

Глава 27. История Чжоу Сяоя

Где сейчас Сяо Мин? Не заскучал ли он настолько, что взялся за старое — занялся демонскими делишками, заодно собирая материал для очередного ужастика?

Что будет делать Ли Сяохун, обратившись в свирепого призрака? Кто стал первой её жертвой после смерти?

Знает ли Сюй Лайди о том, что пережили здесь, в этой дикой деревенской глуши, Ван Цзин и остальные, — и именно поэтому так напугана?

Вопросы кружили в голове, не давая покоя, — и лишь около пяти утра, когда разум окончательно сдался, Цзун Ванчуань провалился в смутную дремоту. Не прошло и двух часов, как его вытащили обратно — петухи в деревне голосили наперебой, будто соревновались, кто громче.

— Вот зараза!

Он раздражённо слез с кровати, распахнул окно — и замер.

Туман был неправильным. Густым не по-летнему, не по-утреннему. Летом светает около пяти, и даже если поутру стелется дымка — к семи её уже нет и в помине. Но сейчас, в начале восьмого, видимость не превышала пяти метров. Белое молоко заглатывало деревню целиком.

Это Ли Сяохун?

Что-то неприятно сжалось внутри.

Туман такого масштаба — искусственный, намеренный — возможен лишь при контракте с демоном уровня Лорда Бездны или выше. Но во всей Бездне подобных существ насчитывалось не больше пятнадцати, и каждое из них — так или иначе — было знакомо Цзун Ванчуаню. Он знал их всех. Мог поручиться: никто из этой пятнадцатки не заключал договора с Ли Сяохун.

Выходит, в Бездне появился новый Лорд?

Мысль была неприятной. Рука сама потянулась к карману за сигаретами — и нащупала нераспечатанную упаковку конфет от курения.

— Вот же...

Цзун Ванчуань невесело усмехнулся, надорвал обёртку и бросил в рот сразу несколько штук.

Разжевал — рот наполнился привкусом серебра.

И снова, в который уже раз, он поймал себя на мысли о Сяо Мине.

К завтраку подошло почти девять. Туман и не думал рассеиваться.

Стоя посреди двора, Цзун Ванчуань смотрел на небо. Солнце там было — но словно догорающий уголёк: ни света, ни тепла, просто висело, вяло и безжизненно. За воротами белая пелена поглощала прохожих, превращая их в серые тени — человек угадывался, лишь когда подходил вплотную.

— Вот так туман. И надо же было именно здесь застрять...

Он снова полез в карман за конфетами.

— Цзун-гэ.

Рядом появилась Чжоу Сяося. Только что стирала — руки мокрые; она встряхнула ими, и несколько ледяных капель брызнули Цзун Ванчуаню на спину.

Он непроизвольно дёрнулся:

— Что-то хотела?

Женщина выдавила угодливую улыбку:

— Цзун-гэ, ты тоже чувствуешь, что этот туман... ненормальный?

— Загрязнение сейчас такое, что чему угодно не удивишься, — невозмутимо отозвался он.

Держать ухо остро с ней он не забывал ни на минуту.

Чжоу Сяося растерянно моргнула — явно ждала другого — и тихо, будто сама себе, пробормотала:

— Я думаю, это потому что люди здесь слишком много грехов накопили. Вот небо и не выдержало...

— Небо не выдержало? — Цзун Ванчуань хмыкнул. — Сестрица, поменьше смотри мыльные оперы. Мозги расплавятся.

— Нет, не то... я не то имела в виду... я серьёзно...

Она вдруг схватила его за руку — крепко, отчаянно — и голос у неё сорвался:

— Цзун-гэ, прошу тебя! Возьми меня с собой! Куда угодно, только подальше от этого проклятого места! Хоть в город, хоть... хоть в парикмахерскую продай — мне всё равно! Только не здесь, только не здесь...

Цзун Ванчуань насторожился. Мало ли — очередная ловушка.

— Не понимаю, о чём ты, — с деревянным лицом сказал он. — Ни слова не разбираю.

Чжоу Сяоя замерла. Потом осела на землю и зарыдала — не плача, а именно рыдая, надрывно, всем телом, будто пыталась выплеснуть что-то, что слишком долго держала внутри.

Цзун Ванчуань не понимал, что происходит, — но пересилил себя, опустился рядом, положил руку ей на плечо:

— Что случилось? Почему ты так...

— Я... я... меня сюда... продали! — выдавила она сквозь рыдания, и голос у неё захрипел, когда горло перехватило. — Я не хотела сюда... никогда не хотела...

Цзун Ванчуань окаменел.

— Продали?!

Она кивнула, не поднимая головы. Слёзы капали в пыль.

Он смотрел на неё — на эту женщину, которую ещё вчера считал врагом, — и что-то внутри переворачивалось. Он взял её за плечи, заставил поднять взгляд:

— Не плачь. Сначала расскажи всё по порядку. Что произошло?

Она долго не могла говорить — дыхание рвалось, слова не шли. Потом всё-таки начала:

— Пять лет назад... я получила извещение о зачислении в университет. Обычный, второй

категории, но всё равно...

На секунду в её глазах мелькнул свет — и тут же погас.

— Я вышла с вокзала. Ко мне подошла тётенька с кучей сумок, попросила постоять рядом, пока она в туалет ходит. Я согласилась. Она вернулась, протянула мне бутылку воды — сказала, спасибо тебе, мол. Я выпила...

Голос её надломился.

—...Почти сразу голова поплыла. Она подхватила меня — говорит, тебе плохо, наверное, тепловой удар. Что я отвечала — не помню. Помню только, что всё было как в тумане, как во сне... А когда очнулась — уже всё. Назад дороги не было.

Она сглотнула.

— Нас везли в кузове грузовика — меня и ещё нескольких женщин. Привезли в какую-то деревню. Там старики и старухи смотрели на нас как на скотину — зубы проверяли, осматривали... Потом свадьба. Первая ночь. Хлев...

Она зажмурилась.

— Пока Ли Эрдань не помер — я хваталась за любую соломинку. Просила его, на колени вставала перед всей семьёй. Говорила: отпустите меня, я верну деньги вдвойне, клянусь — в полицию не пойду, буду молчать, будто ничего не было. Они отказали. Сказали: им не деньги нужны, а жена. И что если отпустят меня — деревня не поймёт.

Она помолчала.

— Потом узнала, что учителя из начальной школы уехали, детям учиться не с кем. Я пошла к старосте, сказала: разрешите мне преподавать. Он разрешил. Я написала письмо — о том, что здесь происходит — и попросила детей передать его в посёлок. Вечером того же дня пришёл сам староста. И принёс это письмо прямо Ли Эрданю.

Цзун Ванчуань слушал молча.

— Ли Эрдань потом сдох. Получил своё. Тут объявился один мужик — возил грузы, по деревням мотался. Прослышал, что я хочу уйти. Сказал: перепишь — вывезу. Я согласилась.

Лицо её исказилось.

— После — сделал вид, что ничего не было. Что никаких договорённостей не существовало. И по всей деревне растрепал: мол, я ещё хуже своей свекрови — та за ночь хоть полтинник берёт, а я так даю. Когда до меня дошли эти слова... я готова была взять тесак и покрошить их всех в фарш. Сварить пельмени.

Тишина.

— Когда узнала, что Ли Сяоань вернулась в деревню больной — что в городе её списали за ненадобностью — я даже думала попросить её заразить меня. Пусть каждый мужик здесь сгниёт заживо. Но я только думала. Думала — и не делала. Всегда только думала...

— Почему ты рассказываешь это мне? — произнёс Цзун Ванчуань ровным, без интонации, голосом. — Не боишься, что я передам твоей свекрови?

Он не давал себе расслабиться. Всё это могло быть правдой. Всё это могло быть ловушкой. Сцена с «отрядом по поимке изменников» не забылась.

Чжоу Сяоя посмотрела на него — долго, не отводя глаз. Потом тихо сказала:

— Сама не знаю. Наверное, просто... чутьё. Чутьё, что ты хороший человек. Что ты не такой, как они. Что сможешь.

— Сожалею, — холодно отозвался Цзун Ванчуань и поднялся. — Твоё чутьё тебя подвело.

Ближе к полудню туман немного поредел. Но тяжесть над деревней только сгустилась.

Первым прогремело в семье Ли Лаода: жена Ли Дабао вдруг стала двойной. Две женщины с округлившимися животами — обе клялись, что настоящая, а вторая — призрак. Золотой внук ещё в утробе, никто не решался рубить сплеча: полдня пробовали всё подряд, так и не смогли разобрать, кто из двух живая.

Следом дошли вести из соседней деревни: семья Хромого Хуана найдена мёртвой — ночью, всей семьёй. Зрелище было такое, что не всякий мог смотреть не отворачиваясь. Хромой Хуан — будто дикие псы рвали: ни одного живого места, голова раскрыта, мозги по полу, лицо превратилось в месиво, где уже ничего не угадывалось. Остальные — чуть лучше, в том смысле, что тела ещё можно было опознать. По комнатам — кровь на стенах, куски плоти, осколки черепа.

Деревня Ли замерла в ужасе.

Все вспомнили про свирепого призрака. Про Ли Сяохун, которая висела на кривом дереве у въезда в деревню — спелым плодом, что не дождался урожая. Люди убеждали себя: она мстит тем, кто причинил ей зло, а я ничего такого не делал, меня она не тронет, меня не за что...

И тут разлетелась по деревне новость о Ли Лайцзы — что он вчера ночью увидел то, чего видеть не следовало, и призрак выколол ему глаза.

Самоуспокоение рухнуло в одну секунду.

Никто не знал, что будет дальше. Никто не знал, кто следующий. Обезумевшая Ли Сяохун могла прийти к любому — и никто, ни один человек в этой деревне, не мог чувствовать себя в безопасности.

<http://bllate.org/book/17576/1713399>